

Александр Викторович Гвозденко родился в 1954 году в городе Находка Приморского края. Окончил Оренбургское высшее зенитное ракетное командное училище, с 1972 по 1995 год служил в армии. В 1992 году заочно окончил Оренбургский государственный педагогический институт. Стихи и проза Александра Гвозденко публиковались в местной прессе, в альманахах «Башня» и «Гостиный Дворь». В 2008 году в серии «Автограф» Оренбургского регионального отделения Союза российских писателей вышла книга его рассказов «Поезд», в 2012-м – сборник прозы «Будем жить!». Живёт в Оренбурге.

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА

1.

В канцелярию зашёл дневальный.

— Разрешите обратиться, товарищ майор?

— Обращайтесь.

— Вас вызывает генерал. Место сбора — штаб. Время сбора — одиннадцать ноль-ноль. Разрешите идти?

— Идите.

Когда тебя вызывает генерал, это ничего хорошего не сулит, если, конечно, тебе не присваивают новое звание или не вручают государственную награду. Якорев знал точно: ни то, ни другое ему не только не светило, но даже не мерцало.

Около дверей штаба он столкнулся с майором Ульяновым.

— Ты чего сюда прибыл?

— Генерал вызывает.

— Меня тоже.

Через две минуты они стояли перед генералом. Генерал внимательно посмотрел на них.

— Так. Подстрижены, побри- ты, отглажены, недурно пахнете. Неплохо. Майор Якорев, доложите мне, о чём говорит приказ министра обороны за номером...

Он назвал номер, число и год выхода приказа. К счастью, Якорев приказ этот знал, доложил чётко и конкретно. Генерал никак не отреагировал на его доклад. Посмотрев на Ульянова, он задал такой же вопрос и ему, только номер приказа был другой. Они оба мысленно отметили, что генерал к этой встрече готовился, а это означало, что ничего ждать не приходилось. Ульянов чётко ответил на поставленный вопрос. Генерал, с интересом посмотрев на них, сказал:

— Или я, к счастью для вас, назвал документы, которые вы случайно знаете, или вы действительно изучаете документы не задом, а головой.

Ясности для Ульянова с Якоревым не прибавилось.

— Вы едете в командировку, — заявил генерал. — Пришла срочная телефонограмма. Едете в распоряжение генерал-лейтенанта... — он назвал должность, фамилию, имя и отчество. — Вы его знаете. Поэтому предупреждаю: не дай Бог вы вернётесь раньше времени, да ещё и с выговорами. Вы знаете его любимую поговорку: «В озере щука, чтобы карась не жирел». Последнее время журналисты пишут об этом крае всякие непонятки: то там у них НЛО летают, то временны е порталы открываются, то люди

из деревень пропадают. Только журналистов этих никто никуда не забирает. Ульянов, смотришь за Якоревым. Якорев у нас имеет склонность к авантюрам. Я не удивлюсь, если его потянет на приключения. А мы потом здесь будем гадать, был он у инопланетян — не был, вот только почему он улыбается и пузыри изо рта пускает? Никаких временных порталов. Якорев, я не хочу, чтобы ты появился передо мной в доспехах Ильи Муромцева и начал рассказывать о доблести наших предков. Поэтому никаких шаманов, никаких озёр с динозаврами и ящерами, никаких покинутых деревень. Никаких пьянок в незнакомых местах с незнакомыми людьми. Вылет завтра в девять ноль-ноль, время местное. Показывайте свои знания, смекалку, находчивость, выдержку. Прежде чем о чём-то доложить или написать, семь раз подумайте, ибо что напишете или скажете, то о вас и думать будут.

В самолёте было холодно, особенно мёрзли ноги. У Якорева был большой подъём ноги; как говорили женщины, такому подъёму любая балерина позавидует. Балерины, может, и позавидуют, а ему одно неудобство. Сапоги не лезут на ногу. Даже в суровые холода он их носил на капроновый носок.

Генерал-лейтенанта Якорев не боялся, он уже работал под его командованием и относился к нему с глубоким уважением. Генерал был фронтовиком, а они,

фронтовики, имели печать смерти, и это им давало право на многое. Генерал был требователен, но не был злобен и мстителен. А порядок всегда есть порядок. Генерал отвечал за свой участок работы, и эта работа должна была выполняться только на «отлично». Он знал, что такое война и к чему приводит непонимание, неуспевание, расхлябанность, несообразительность. Якорев у него учился, и слава Богу, что есть люди, которые умеют учить.

На третьи сутки они достигли места дислокации. Зашли на КПП, представились дежурному. Дежурный отметил их в каком-то списке.

— Сейчас уже поздно. Никого нет. Давайте идите в казарму, располагайтесь там. Утром начальство скажет, что и куда. Вы у нас первые. Остальные, видно, ещё плутают.

— Почему в казарму? Вот это у майора я заберу с собой.

Якорев и Ульянов обернулись. Перед ними стоял улыбающийся майор.

— Игорь, как я рад тебя видеть!

Якорев, сделав шаг навстречу, обнял майора и повернулся к Ульянову:

— Познакомься.

Ульянов протянул руку:

— Владимир.

— Сергей.

— Игорь, у меня дед в отъезде, в доме никого нет. Дом недалеко. Ключи при мне. Пошли, — предложил Сергей.

Игорь посмотрел на Владимира и кивнул:

— Пошли.

Дорогой Сергей сказал:

— У меня к вам просьба: кормите собаку и кошку, вечером топите печь. Справитесь?

— Справимся, не впервой, — ответил Якорев за двоих.

— Банька у деда чудная. Сегодня я протоплю, а затем вы сами. Припасы в погребе, спирт и самогон тоже, — обрадовал Сергей.

Дом оказался действительно домом, да ещё каким. Во-первых, всё было под одной крышей. Во-вторых, во дворе был пол. В-третьих, всё было выверено и загорожено так, что ветер обходил строения, словно неприступную крепость. Сергей сказал, что бояться им нечего, ни мышей, ни крыс здесь никогда не водилось. При постройке дома засыпался песок, и это не позволяет грызунам копать норки — они сразу засыпаются. Дом может скрипеть, объяснял Сергей, потому что когда топят печь, воздух нагревается, и дом расширяется. Когда тёплый воздух охлаждается, дом сужается, тем самым сохраняя тепло. Поэтому и топят дом раз в сутки. Дом знает свою работу и добросовестно её выполняет.

Собака была породы лайка, она и дом сторожила, и ходила с дедом на охоту. Кошка оказалась очень крупная — такая, если ночью ляжет на грудь, точно удушит.

Сергей быстро накрыл на стол. Как положено, выпили за встречу, за родное училище, за родителей, за тех, кто воевал.

— Серёжа, как-то нехорошо, что мы дедовы припасы едим, — произнёс Якорев.

— Он не обидится, у них, старых охотников, обычай есть: оставлять для бедолаг еду и спички. Ты лучше скажи, с шаманом познакомиться не хочешь? Я помню, ты всегда любил запоминаться встречами.

Ульянов испуганно посмотрел на Якорева и помотал головой:

— Даже не вздумай.

Якорев, улыбаясь, спросил:

— Серёга, а что тут у вас с инопланетянами?

— Ты знаешь, какие-то шары летают. Интерес у нас с ними друг к другу обоюдный, но нас на всякий случай проинструктировали. Захочешь, свожу в одно место.

Ульянов, оборотясь к Якореву, спросил:

— Зачем тебе это?

— Хочу посмотреть, как инопланетяне пьют водку. Как в бане парятся. Сколько раз делают подъём переворотом, как ходят строевым шагом.

— Понравится им с тобой водку пить, в баньке париться, подъём переворотом делать, строевым шагом ходить, мы же их потом с Земли не вышибем, — задумчиво произнёс Ульянов. — У тебя не та стратегия. Лучше временной портал. Там напился, здесь протрезвел.

За военными делами быстро пролетели полторы недели. Как-то раз вечером к ним зашёл Сергей с подполковником из Ленинграда. Сергей истопил баню. Хорошо попарившись, сели за стол. Посидев за столом, решили добавить. За самогоном в сарай отправили подполковника. Прошло порядочно времени, а его всё нет. Народ забеспокоился.

— Он что там, заблудился?

— Надо посмотреть.

В это время открылась дверь, и на пороге появился подполковник с окровавленной головой.

— В меня стреляли, — выдохнул он.

У всех хмель выдуло моментально. Ульянов спросил:

— Инопланетяне?

— Не знаю.

Якорев вскочил:

— Кто слышал выстрел? Инопланетяне вроде не стреляют?

В ответ — тишина. Через две минуты они были одеты по полной форме, тем самым показывая, что готовы выполнить любую поставленную перед ними задачу. Сергей начал оказывать помощь подполковнику. Игорь и Владимир пошли осматривать место происшествия. Всё выяснилось почти сразу. Возвращаясь с бутылкой самогона, подполковник наступил на грабли, получил удар в лоб, упал и, падая, о доски поцарапал голову.

— С инопланетянами контакта не будет, — радостно сказал Ульянов.

За Ульяновым Якорев был, как у Христа за пазухой. Это был душа-человек.

На следующий день, подходя к дому, они ещё издали увидели свет в окошках. Осторожно открыли дверь и вошли в дом. За столом сидел старик. Рядом на полу — собака и кошка. Они внимательно смотрели на старика. Тот им выговаривал:

— Как вам, женщинам, можно доверять? Оставил вас на несколько дней, а вы уже в дом чужих мужчин пустили. Я вас сторожить дом оставил, а не делать из него вертеп. Вот так корми вас, пои, а благодарности никакой... А вы что замерли около двери? Или думаете, я вас не почувствовал? Зря, — сказал он Якореву с Ульяновым.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте. Раздевайтесь, ужинать будем. Меня можете звать Петром Андреевичем или просто дедом Петром.

За ужином выпили за знакомство, за хозяина дома, за взаимопонимание. Потом Владимир пошёл спать.

— А ты чего не идёшь? — спросил дед у Игоря.

— Я вам прибраться помогу.

— Сам справлюсь.

— В четыре руки сподручнее.

— Как знаешь. С Сергеем где познакомились?

— Учились вместе.

— Откуда приехали?

— Из Оренбурга.

— Далековато. Бывал я в Оренбурге. Попал туда после

Прохоровки. Весь обгорелый был.

— Вы воевали?

— Воевал, танкистом. Молодой я тогда был, на фронт всё рвался. Взял да приписал себе два годка и ушёл в шестнадцать. В эти годы Гайдар полком командовал, а я пошёл рядовым. Сильным был, выносливым, меня и взяли. Так что посетил я первый раз город Оренбург в семнадцать лет, хотя по документам мне было девятнадцать. Конечно, сослуживцы мои догадывались, что здесь что-то не так, но я был как броня, а после ожогов уже и не спрашивали. Видно, за детскую мою шалость берёт меня Бог. Не мог он мне позволить умереть в семнадцать. За это и ему, и врачам большое спасибо. Когда танк горит или взрывается, или когда болванка, сброшенная с самолёта, пронзает его, документов не спрашивают. Вера была, что должен я дотянуть до тех годков, которые в документах.

Немного помолчав, дед неожиданно сказал:

— Красивые девушки у вас в Оренбурге.

— Конечно, красивые.

— И душевные!

— И душевные.

— Не зря первый космонавт планеты именно из Оренбурга жену взял. Вольф Мессинг говорил: «Хорошая жена — лучшее благословение». Кто женился, тот изменился. Всё зависит от того, какой ты стал, счастливый

или нет. Результат налицо. Первый космонавт. А жена его тогда — женщина звёзд.

За такое нельзя было не выпить.

— Ты знаешь, сначала я лежал в центральном вашем госпитале. Затем меня перевели, — дед начал описывать место и здание.

Якорев понял, что это была его родная школа.

— Пётр Андреевич, там потом школа была № 1, я в ней учился, а сейчас сельхозинститут. Может даже, я учился в том классе, где была ваша палата.

— Всё может быть. Смотри, как устроена жизнь, — за тысячи километров мы, люди разных поколений, встретились и вспоминаем дом, где одного лечили для войны, а другой получал знания для мирной жизни. Поклонись от меня Оренбургу.

— Приеду, обязательно поклонюсь.

— К нам в госпиталь приходили дети для поднятия нашего морального духа. Запомнилась мне одна Маша. Её все называли Капитанской дочкой. Фамилия, имя, отчество были у неё, как у пушкинской капитанской дочки: Марья Ивановна Миронова. Оказалось ещё, что отец её был капитаном-артиллеристом и погиб, защищая Родину. Было ей лет десять-двенадцать. Она каждый день приходила к нам в госпиталь, читала стихи, пела, выносила утки, помогала перевязывать, всегда читала нам главы «Капитанской дочки» — наизусть,

по памяти. Как она читала эти главы! Будто в окне видела счастье, и это счастье должно было коснуться каждого из нас, независимо от того, верим мы в него или нет. Может, это была вера в то, что её отец не погиб, а тоже лежит в каком-то госпитале. Может, это была вера в своё детство, которое досталось именно таким, пришлось на военную пору, значит, и дети должны быть сильными. Они и были такими. Она будто чувствовала какое-то своё право на нас, на Пушкина, на «Капитанскую дочку». Она передавала своим детским голосом и мысли Пушкина, и чувства Пети Гринёва и Маши Мироновой. В ней было столько любви, веры, надежды, что по телу бежали мурашки. Хотелось прижать к себе этого ребёнка и погладить по голове даже мне, семнадцатилетнему парню, не говоря уже о взрослых мужчинах. Она была победительницей! Нельзя было нам проиграть войну с такими детьми. Надо мной посмеивались, говорили:

— Повезло тебе, Петя, смотри не упусти. Ты приглядишься, война кончится, ты поправишься, она подрастёт, и будет у тебя своя Марья Ивановна Миронова.

Я отмалчивался. С ней я понимал, что не могу быть слабым, что я именно тот, кто должен защитить её сердце. Наше одиночество растворялось в ней, как растворяется слеза в родниковой воде после умывания, и остаются чистота и свежесть. Я не знаю,

что говорил ей Бог, но что он её целовал, это точно. Ты знаешь, если бы я был скульптором, то поставил бы памятник Марье Мироновой и Петру Гринёву, а значит, и Пушкину. С этой Машей мы понимали, что не можем щадить себя. Если у наших детей такая вера в нашу победу, в нас, в нашу правду, мы должны, обязаны, несмотря ни на что, добыть это победу! Нельзя предавать или отстранять такую любовь, такую веру и такую надежду. Понимаешь? Нельзя выплюнуть душу! Если всё же выплюнул, ты уже не человек. Ты читал «Капитанскую дочку»?

— Читал. В школе.

— Перечитай.

— Обязательно.

— Пушкин Александр Сергеевич был верующим человеком, потому «Капитанскую дочку» надо читать немного не так, как нам преподавали. У него ярко выражается возвышение духа над телом. Самопожертвование ради торжества истины. От рождения человек несёт в себе часть биологического богатства, а затем воспитание, окружающая среда, опыт старшего поколения усваиваются и обогащаются собственным жизненным опытом. Мы получаем от встреченных нами людей знания и энергию, которые питают нашу душу и участвуют в нашем совершенствовании. Пушкин показал, что ум в сердце от Бога, милосердие от Христа, добродетель от Святого Духа, а разум приобретает

сам человек. Он показывает, что за тебя кто-то должен молиться, если ты не делаешь этого сам. В час смерти надо увидеть хоть одно сочувствующее тебе лицо. Все встречи и разговоры — это познания, которые освежают разум и дают работу уму. В «Капитанской дочке» надо следить не только за сюжетом, но и за смыслом, за знаниями, красотой слога, за отношениями любящих, спасающих и верящих друг в друга Марьи и Петра... Я смотрю, ты засыпаешь. Иди спи.

— Нет, нет.

— Иди. Спать осталось два часа.

3.

В части их вызвал к себе генерал. По пути они встретили Сергея.

— Я смотрю, вы с дедом не только познакомились, но и хорошо посидели.

— Кто у тебя дед?

— Профессор, бывший.

— Предупреждать надо.

Генерал сидел за столом. Яковлев с Ульяновым, войдя, остановились у двери.

— Так, через два часа отправляетесь в город Мары. С вами поедет ещё один майор из города Кунгура.

Его взгляд задержался на Яковлеве, затем перешёл на Ульянова и снова на Яковлева.

— Яковлев, пил?

— Никак нет.

— Почему врѣшь?

— Так вы экспертизу делать не будете, а признаться — значит, сразу стать виноватым.

— Наглец. Но стоишь твёрдо. Держимся бодрячком. В вашей группе старший — майор Ульянов.

«Да кто бы сомневался», — подумал Якорев.

— Идите.

— Есть.

Закрывая дверь, они услышали вопрос полковника, начальника штаба части, генералу:

— Как будем наказывать?

— За что?

— За пьянку.

— Какую? У нас есть доказательства? Признание? Свидетели?

— Нет.

— Что тогда задаём глупые вопросы? У нас в стране что — сухой закон?

— Нет. Но вчера...

— Не нукай, не запряг. Вчера это было вчера, факт налицо. А сегодня одни догадки.

Якорев шёл и вспоминал слова деда: «Ищут Грааль, и не одно поколение, а для меня Грааль — это отношение людей ко мне. Христос пил из него на Тайной вечере. Я пью познания людей каждый день и тем счастлив. При этом всегда помню, что есть не только застолье, но и Голгофа. Тебе повезло, ты живёшь в тех местах, где рождалось содержание великого произведения — “Капитанской дочки”».

По приезде в Мары Якорев первым делом пошёл в книжный магазин и купил «Капитанскую дочку» Александра Сергеевича Пушкина.